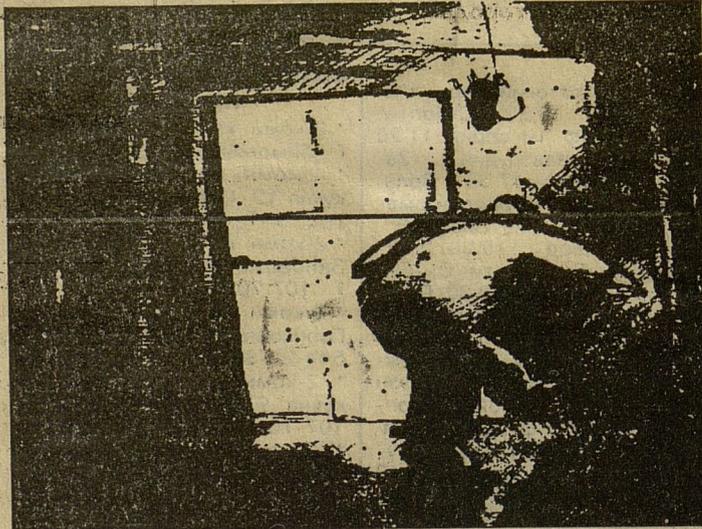

Смена - 1995 - 18 мая - 47

Пейзажи из окна Владимира Шинкарева

Выставка Владимира Шинкарева, открывшаяся в галерее "Борей", имеет четкое название "СОБСТВЕННО ЖИВОПИСЬ". Таким образом предполагается, что все наше зрительское внимание должно быть обращено прежде всего на цвет и рисунок, мазок и светотень, фактуру и композицию и только потом на содержание выставленных картин

В случае с Владимиром Шинкаревым это сделать очень трудно, потому что он не только художник, но и писатель, поэт и идеолог всего митьковского движения. Накануне открытия Творческим центром "Борей Арт" были выпущены две книжечки: одна - "Стихи, басни и песни" самого Владимира Шинкарева, а вторая - "Прельститель" Любови Гуревич, в которой анализируется весь творческий путь этого художника. А на вернисаже желающие смогли еще и получить буклет, в котором о живописи "главного митька" размышляет профессор Михаил Герман. И если ко всем этим текстам прибавить еще и статью Льва Мочалова, опубликованную в четвертом номере журнала "Вопросы искусствознания" за 93-й год, то тогда можно утверждать, что на выставке Владимира Шинкарева зритель придет основательно подготовленным. Впрочем, узритель всегда есть выбор: он может прочитать вышеперечисленные произведения, а может и ограничиться только своими впечатлениями. У рецензента выбора нет, и он должен свести воедино все точки зрения. А раз так, то придется начать издавна с того периода в жизни Влади-

мира Шинкарева, когда он работал в одной геологической конторе. Это было давным-давно (еще в семидесятых). По долгу службы ему приходилось заполнять графы многотомного геологического отчета и по нескольку раз на страницу впечатывать слово "ПОЛУСУХАРНАЯ" (есть такой сорт глины). Из "глиняного" прилагательного Владимир Шинкарев изобрел существительное "ПОЛУСУХАРЬ", которое со временем стало синонимом всей его тогдашней жизни. "Я съел полусухарь. Желудок мой заныл. И требовал не полусухаря, но счастья". Вполне возможно, что нечаянно найденное слово вызвало к жизни и другие слова, позже вошедшие в "митьковский словарь", например такое понятие, как "жировка", которое в

каком-то смысле является антиподом "полусухаря". И постепенно по мере накопления словарного запаса выкристаллизовалась и главная "митьковская" тема: быт и бытие. Миг бытия - краток, а быт, его окружающий, чудовищен и кошмарен. Быт готов поглотить и проглотить бытие, даже глазом не моргнув. Как спасти бытие от быта - над этим вопросом и стал размышлять (от "большой печалухи") Владимир Шинкарев. Так как у этой проблемы был один единственный ответ, то он, естественно, и был найден: для того чтобы быт не сожрал бытие, надо расширить границы быта до вселенских размеров. Этим и занимался идеолог и философ Владимир Шинкарев, создавая "житие митьков". Разумеется, в "собственно

живописи" эта проблема решалась художником иначе, не путем изображения наиболее "карнавальных" сцен из жизни митьков, а наоборот, "отсутствием привлекательности и тоскливостью пейзажа". Подобно тому, как в свое время митьки "никого не хотели победить", так и в настоящее время Владимир Шинкарев никому не хочет понравиться. Все его пейзажи, а на выставке в "Борее" их большинство, построены на столкновении предметов с изобразительной плоскостью. Для подобных столкновений Владимир Шинкарев предпочитает "камерный цвет": цвет стен, подворотен, заборов, цвет дождливого неба и темных коридоров. Многие помнят его полотно "Бомж" (1991 г.). Тогда оно воспринималось "как щемящее и жалостливое". С тех пор Владимир Шинкарев стал спокойнее и суровее. Даже такая печальная тема, как "Смерть", ныне раскрывается им не методом "прибавления" (приукрашивания), а "вычитания": как буквализация метафоры "смерть вырвала его из наших рядов" (вырезала из пространства картины). Искусствоведы Любовь Гуревич и Лев Мочалов, конечно же, правы, когда отмечают, что митьковский миф сделал Владимира Шинкарева известным. Хотя вполне возможно, что сам художник к славе и не стремился. Но, как у всякой легенды, сослужившей добрую службу, есть у этого мифа и обратная сторона: слишком от многого митькам теперь придется отказываться. Например, от митьковской исторической живописи. И этот отказ весьма драматичен. Историческая (или сюжетная) живопись митьков и Владимира Шинкарева в том числе выполнила свою главную задачу: она объединила всех поклонников митьковского братства под одним знаменем. Поклонников было много, де-

сятки и сотни тысяч. Что касается "Собственно живописи" Владимира Шинкарева, то она привлечет внимание только тех, кто действительно обладает редкой способностью "идти от цвета и формы к смыслу", а не наоборот. Один из лучших циклов Владимира Шинкарева называется "Ночные натюрморты" (натюрморт с будильником, с сигаретами, с телевизором, с телефоном, с пиццей). Эти картины не поддаются пересказу. Можно лишь попытаться описать впечатление, которое составляет одну тысячную всех "психофизических" ощущений: Быстрые разрывы неделимого - утро-вечер-ночь. От двери до стены складированы вещи: птица без ветра, сигарета без пальцев, телефон без губ... И приближаются к числу, которое написано за дверью, как рифма к отражению в окне... Если бы все созданное митьками как представителями одного движения можно было собрать воедино в "воображаемый музей" митьков, то тогда дальнейшая их жизнь и творчество стали бы более ясными. Невозможно без конца реанимировать "один и тот же миф". Митьки не умерли, они просто выросли и стали сами собой. Известная философская проблема "часть и целое" была решена ими таким хитрым образом, что "митьков" (целое) мы узнали и познали раньше частей (каждого отдельного художника). Теперь этот перекосяк начинает выравниваться. Вот и Владимир Шинкарев стал собственно живописцем. И на мякине митьковского "полусухаря" его теперь не проведешь. Время самообмана прошло. А эпоха ностальгии еще не наступила...

Михаил КУЗЬМИН

Шинкарев Владимир

11.5.95